

Е. Н. ДРЫЖАКОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И НИГИЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН 1860-х ГОДОВ

В знаменательное десятилетие 1860-х годов русское общество получило не только дюжину литературных шедевров: три романа Тургенева, два Гончарова, три романа и повесть Достоевского, огромный роман и несколько повестей Толстого, — но и целый ряд весьма значительных явлений беллетристики второго ряда. Заглавия некоторых произведений говорят сами за себя: «Подводный камень», «Взбаламученное море», «Что делать?», «Некуда», «Мудреное дело», «Марево», «Своей дорогой», «Панургово стадо», «Поветрие», «Смелый шаг». В этот же ряд вполне гармонично вписываются и шедевры: «Дым», «Обрыв», «Бесы». Продолжается этот ряд и в 1870-е годы: «В водовороте», «На ножах», «Кровавый пуф» и др.

Понятно, что Россия в течение 1860-х годов переживала не только эпоху грандиозных Великих реформ, но и болезненный период перестройки общественного сознания. В такие периоды разница в самосознании младшего и старшего поколений всегда очень существенна. Уже с середины 1861 года Россия была охвачена молодежным движением против старых порядков. Тургенев с присущей ему остротой восприятия нового первым воссоздал зарождающийся тип. Тургеневским словом *нигилист* стали называть всех молодых бунтарей. От недовольных университетским начальством студентов до авторов прокламаций, призывающих во имя справедливости не бояться пролить «реки крови» («Молодая Россия»). От любителей клубнички и сторонников свободной любви до защитников человеческого достоинства женщины, ее права на труд, образование и решение собственной судьбы. Всех стали называть нигилистами. А после выхода романа «Что делать?» его героев, *новых людей*, тоже зачислили в нигилисты. Начиная с 1863 года редкий роман о современной России обходился без этих самых нигилистов. Их еще называли *прогрессистами, революционерами, социалистами, позитивистами, красными* и более экспрессивными именами: *буитовщики, вислоухие, базароиды* и т. п.

На протяжении интересующего нас десятилетия складывались и варьировались характерные черты этого нового типа, который сменил собой столь же модный литературный тип предыдущего времени: тип *лишнего, слабого* человека (термин П. В. Анненкова). Складывались также и типологические ситуации: вместо проигранного rendez-vous, победа и обольщение девушки, вместо высококонтрастной пушкинской и тургеневской героини — *femme étonnée*, нередко попадающая в беду и рождающая внебрачного ребенка. Новые идеи, отрицающие старые каноны, чаще всего терпят крах и приводят к физической и моральной гибели героев. Таковы типологические стандарты русского *нигилистического* романа.

Намеренно употребляю именно этот термин применительно к тем произведениям русской литературы, в которых изображались нигилисты, т.е. молодые люди, отрицающие старые порядки, независимо от того, было ли это изображение сочувственным, осуждающим, трагическим или карикатурным. Термин «антинигилистический роман» представляется неоправданным наследием советского литературоведения.¹

Достоевский употреблял термин «нигилистический роман» (20, 196, 202) независимо от того, носило ли это произведение нигилистический характер или нет. Буду придерживаться этого же принципа.

* * *

Прежде чем говорить об отношении Достоевского к нигилистическому роману и нигилистическим типам, в изобилии являвшимся в русской литературе (и в жизни, конечно) с начала 1860-х годов, стоит сказать несколько слов об одном произведении, которое еще в 1858 году прозвучало громким контрастным аккордом по отношению к предыдущей типологической традиции. Речь идет о романе Кочки-Сохрана «Асмодей нашего времени». Автор его В. И. Аскоченский (1813—1879) подвизался в литературе с конца 1840-х годов. Писал все на свете: статьи, пьесы, занимался историческими разысканиями, сочинял стихи и проч.

¹ См., например: *Цейтлин А. Г.* Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Кн. 2; *Базанов В. Г.* Тургенев и антинигилистический роман // Карелия. Альманах. Петрозаводск, 1939. Кн. 4; *Сорокин Ю. С.* Антинигилистический роман // История русского романа. М.; Л., 1964. Т. 2; *Батюто А. И.* Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления // Тургенев и его современники. Л., 1977. Тогда любили это *анти*: *антисоветские* разговоры, *антиобщественное* поведение, *антинародные* действия, *антипартийная* группа, *антипартийная* позиция и т. п. Впрочем, подчас и западные исследователи, идя за советскими коллегами, использовали этот термин: *Moser Ch.* Antinihilism in the Russian Novel of the 1860s. Mouton; The Hague, 1964.

В романе «Асмодей нашего времени» хорошо видна смена типов: лишнего человека, героя времени 1840-х годов, сменил дерзкий и самоуверенный *Асмодей* конца 1850-х. Отсюда и прозрачная аналогия названий, а главный герой Пустовцев, демонический скептик-эгоист, воспринимался как современный Печорин. Он завлекал младшую, ветреную дочь почтенного семейства, которая наслушалась каких-то «залетных понятий... femme émancipée».² Если девушку по этому признаку все-таки можно приблизить к разряду нигилисток, то герой-асмодей на нигилиста похож мало (разве тем, что волосы причесывал пятерней да входил в церковь с дерзкой усмешкой). Он сам, как и Печорин, не знает, зачем увлекает девушку. Но Печорин не идет так далеко, не обольщает юную княжну, а Пустовцев, не желая отказывать себе в удовольствии, делает *Marie* беременной. Брак теоретически он отрицает, но вовсе не по новой идеологии, а просто не желая причинять себе неудобства.³

По интерпретации Аскоченского, *Marie* сама более всех виновата в случившемся. На осторожные призывы к благоразумию она дерзко отвечает: «...да, влюблена, хорошо проводим время...», — а насчет брака: «Будто только и счастье что под венцом?».⁴ В конце концов Пустовцев признает свою вину и решается на брак. Но нет ни примирения, ни счастья. Демон окончательно овладевает этим безбожником. Даже смерть жены, умирающей с религиозным смирением, не смягчает его злобное сердце. Он кончает самоубийством.

Вся система мотивов романа и рассуждений автора ведет к одной мысли: нельзя нарушать установившиеся традиции в таком деле, как любовь и брак. Нарушение ведет к гибели. И хотя здесь нет героев-нигилистов, сюжет характерен для появившегося позже нигилистического романа. Недаром М. Антонович в полемике 1862 года о романе «Отцы и дети» вспомнил роман Аскоченского и назвал свою статью о Базарове «Асмодей нашего времени».

Аскоченский выступил в 1858 году с достаточно тенденциозным обличением попираателя семейных традиций, заменив тип сомневающегося и страдающего лишнего человека грубым и примитивным обольстителем, смахивающим на нигилиста. Взаимоотношение полов и в особенности обольщение девушки, т. е. так называемый женский вопрос, станет вскоре неперенным узлом нигилистического романа.

М. Антонович в упомянутой статье утверждает, что «г. Аскоченский предвосхитил новый роман Тургенева» «своею общей мыслью, своими тенденциями, своими личностями, а в особенности своим

² [Аскоченский В. И.] Асмодей нашего времени: Соч. Кочки-Сохрана. Киев, 1858. С. 88.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 161.

главным героем». Антонович считает главным пафосом романа Аскоченского конфликт молодого поколения со старшим, поэтому и утверждает, что «молодой человек Пустовцев — родной брат и двойник Базарова по характеру, по убеждениям, по безнравственности, даже по небрежности в приемах и туалете». Приписывая Пустовцеву «отрицательное направление» на том основании, что «он все подвергал критическому обзору», Антонович утверждает, что Аскоченский был более беспристрастен к своему герою, нарисовав тип «гораздо умнее и основательнее Базарова».⁵

Антонович, конечно, хотел обличить Тургенева (по определению Достоевского, «уничтожить», «сдунуть» его с русской литературы — 20, 195, 204) за его «карикатуру» на молодое поколение. Поэтому он сближает сюжет и героя Аскоченского с романом «Отцы и дети», желая скомпрометировать его автора. В действительности «асмодей» Пустовцев, скорее, грубо утрированное развитие типа вечного и беспринципного скептика, эгоиста и демонического соблазнителя.

Через два года М. В. Авдеев (1821—1876) опубликовал в «Современнике» роман «Подводный камень», целиком сосредоточенный на мотивах любви, брака, измены, развода.

Нигилистов в этом романе нет. Нет коварных соблазнительей. Нет и эгоистов Печориных — с этим типом Авдеев рассчитался в предыдущих своих повестях начала 1850-х годов («Тамарин» и др.). Темы семейной жизни и, шире, женских судеб особенно привлекали Авдеева как беллетриста, а тот факт, что все его повести на эти темы печатались в «Современнике», безусловно свидетельствует о либеральной ориентации автора в женском вопросе.

В романе «Подводный камень» благородный идеалист Соковлин по взаимной любви вступает в брак с очень молодой, еще не вполне определившейся девушкой Наташей. Через 6 лет счастливой семейной жизни в Наташе вдруг вспыхивает страсть к другу мужа Комлеву, и после некоторых колебаний и угрызений совести она отдается ему в саду, уступая именно силе этой страсти. Авдеев утверждает, что никакие теории, никакие современные идеи тут ни при чем.

Комлев — молодой красивый мужчина, отнюдь не Дон Жуан, не идеалист. Он знает, зачем живет, и желает только возможного. Он привлекает молодую женщину своей простотой, бодростью, энергией, здоровьем... Он не хочет разрушать семью своего друга, но не может не уступить «бедной больной страстью женщине», как буквально сказано в романе.⁶ Наташа во всем признается мужу. Он еще перед свадьбой поклялся ей, что если она (будучи его моложе на 20 лет) ко-

⁵ Статья Антоновича цит. по: Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Л., 1986. С. 96—98, 101.

⁶ Авдеев М. В. Подводный камень // Современник. 1860. № 11. С. 127.

гда-нибудь, «хоть на другой день свадьбы», изменит свои чувства к нему или появится «другой», то он даст ей полную свободу и останется «только другом и братом».⁷

Соковлин сам помогает жене и любовнику сделать чистосердечное признание. Он дает жене необходимые документы и обещает устроить развод. Однако Комлев отнюдь не собирается жениться на Наташе, и вовсе не потому, что он коварный оболъститель или сторонник «новых» идей. «Я уважаю и люблю Наталью Дмитриевну, — говорит он Соковлину, — но не женюсь на ней, потому что женитьба и любовь по-моему две вещи разные. У меня есть свои убеждения о браке... Я жениться не располагал...».⁸ Любовники уезжают за границу и через короткое время расстаются. Наташа возвращается к мужу, и он с радостью и любовью принимает ее. «Буря прошла, — говорит Соковлин, — зачем отчаиваться под обломками? Мы честно вели себя, и нам не в чем упрекать друг друга».⁹

В этом, пожалуй, главный пафос романа Авдеева. Даже не очень искушенный читатель «Современника» сразу ощутил в нем мотивы и ситуации «Жака» и «Полиньки Сакс». Более внимательный должен был сопоставить «Подводный камень» с романом «Кто виноват?» и «Дворянским гнездом». (Авдеев при публикации романа поместил на первой странице посвящение И. С. Тургеневу).

С романом Герцена «Подводный камень» сближает исходная семейная ситуация: после нескольких лет счастливого супружества появляется другой, и жена в него влюбляется, как и он в нее. Но у Герцена, считая любовь и разрушение семьи недопустимыми, влюбленные расстаются, обреченные на моральную и физическую гибель. Авдеев в своем романе спасает от гибели всех трех героев.

В романе Тургенева Лаврецкий узнает о коварном обмане жены и ее измене с ничтожным любовником. Идеалист и романтик, для которого любовь — высшее и святое чувство, он не может ни понять, ни простить своей жене вполне допустимую по светскому французскому этикету женскую шалость. Его жизнь погублена. Он обречен на вечное погружение в свою трагедию. Конечно, Авдеев не противопоставлял своего Соковлина Лаврецкому. Он только показывал, что в подобных ситуациях может быть найдено другое, менее романтическое, решение.

Интересно здесь же отметить, что тремя годами позже Н. Г. Чернышевский построит в романе «Что делать?» ситуацию любовного треугольника, во многом похожую на роман Авдеева. Только финал с возвращением к мужу совсем был не нужен Чернышевскому. Его герои идут только вперед и дальше.

⁷ Там же. № 10. С. 497.

⁸ Там же. № 11. С. 150.

⁹ Там же. С. 188.

Но вернемся к Достоевскому. Роман Аскоченского Достоевский вряд ли читал. Отдельное издание «Асмодея...» вышло в Киеве и, очевидно, продавалось в Петербурге в начале 1858 года, когда писатель был еще в Сибири. Позже Достоевский, конечно, заглядывал в издаваемую Аскоченским «Домашнюю беседу» (1858—1877), но относился к этому литератору весьма отрицательно, ставил его рядом с Ф. В. Булгариным, расценивал его позицию как «грубый квасной цинизм» (19, 143, 176). Полемизируя с «Современником» в 1863—1864 годах, Достоевский вспомнил статью Антоновича «Асмодей нашего времени» (Современник. 1862. № 3), в которой «уничтожался» Тургенев. В многочисленных саркастических замечаниях об Антоновиче (20, 130, 199, 204 и др.) ни разу не упомянут сам роман Аскоченского или его герои. Тем не менее изложение Антоновичем содержания романа о предтече нигилиста вполне могло запомниться Достоевскому.

Роман Авдеева «Подводный камень» печатался в «Современнике» в 1860 году (№ 10, 11), когда Достоевский был уже в Петербурге. В первом номере «Времени» за 1861 год была помещена рецензия Н. П. Погодина на этот роман.

Достоевский упомянул героев романа Авдеева в незаконченной заметке об игре актера Васильева в пьесе Островского «Грех да беда на кого не живет». В этом сохранившемся в рукописи тексте писатель достаточно неожиданно сопоставил героев Авдеева с драмой Островского. Он излагает сюжет драмы, сближая его с пресловутым любовным треугольником: жена не любит мужа и увлеклась другим. Однако жена у Островского — пустая, глупая, скучающая женщина, а любовник, заезжий барин, увлекает женщину, потому что, по интерпретации Достоевского, «скучно четыре дня без клубнички сидеть в городишке» (20, 151). Муж у Островского честен, горяч, достаточно старомоден в соблюдении традиционных купеческих семейных традиций, но не самодур, хотя и ревнив. Он в конце концов убивает неверную жену. По сравнению с подобными типами герои Авдеева определены Достоевским как «цивилизованные» люди. Впрочем, это определение у Достоевского скорее ироническое, поскольку он награждает им и «сестрицу» героини девицу Жмигулину, откровенную сводню, считающую себя современной и благородной.

Внимание Достоевского к этой драме Островского понятно: она была напечатана во «Времени» (1863. № 1), тогда же, в январе, представлена в Москве и в Петербурге. Достоевский был на представлении.¹⁰ Во втором номере журнала братьев Достоевских в обзоре Ап. Григорьева «Петербургский театр» содержался восторженный отзыв об игре Васильева. Что касается сопоставления Достоевским

¹⁰ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 391.

типов Островского с героями «Подводного камня», можно думать, что отдельное издание романа Авдеева в 1863 году подтолкнуло Достоевского к этому сопоставлению.

После статей Михайлова в «Современнике» «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе»¹¹ так называемый женский вопрос стал едва ли не самой злободневной проблемой в русской журналистике. В 1863 году, после публикации «Что делать?», интерес к проблеме усилился. В этом ключе и было воспринято отдельное издание «Подводного камня». Во всяком случае, Достоевский знал этот роман и упомянул его еще раз в черновых набросках к «Крокодилу» 1864 года. Там «нигилистка», интересующаяся проблемами женской эмансипации, пришла спросить у героя, читал ли он «Подводный камень» (5, 338).

Так мы можем рассматривать иронические замечания Достоевского о романе «Подводный камень» в свете интересующей нас проблемы: Достоевский и нигилистический роман. Хотя в романе Авдеева нет нигилистов, но есть попытка решения женского вопроса, а именно этот вопрос станет едва ли не главным для нигилистического романа.

* * *

Во втором номере «Русского вестника» за 1862 год был напечатан роман Тургенева «Отцы и дети», и впервые для русского читателя прозвучало еще не вполне вразумительное слово *нигилист*. Женского вопроса в этом романе нет. За исключением не участвующей в сюжете мимолетной карикатуры *émansipée* Кукшиной, все женщины ведут себя вполне традиционно и положительно. Детей, т. е. молодое поколение (по другой терминологии — нигилистов), не в чем упрекнуть в отношении к женщине, чего нельзя сказать об отцах: Николай Петрович, по сути дела, обольстил девицу. В других ситуациях и теоретических спорах противники нигилистов отнюдь не воспринимались как моральные победители.

Например, А. И. Герцен, прочитав роман, написал Тургеневу, что, несмотря на то что автор «сильно сердился на Базарова, с сердцов карикировал его (...) он все-таки подавил собой — и пустейшего человека с душистыми усами, и размазю отца Арк(адия) и бланманже Аркадия».¹² Позже, уже в другой общественной обстановке,

¹¹ Современник. 1860. № 4, 5, 8. Н. В. Шелгунов писал об этих статьях, что они «произвели в русских умах землетрясение... И женский вопрос (...) из воздушного тумана спустился на землю» (Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 121).

¹² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27, кн. 1. С. 217.

во многом отрекаясь от русских нигилистов 1865—1868 годов, которых он называл «базароидами», Герцен дал иную интерпретацию романа: «...крутой Базаров увлек Тургенева, и вместо того, чтоб посечь сына, он выпорол отцов».¹³

Достоевский прочитал роман Тургенева сразу же, и в первой половине марта 1862 года послал Тургеневу в Париж свой восторженный отзыв. Письмо, к сожалению, не сохранилось, но из ответа Тургенева видно, что он был очень доволен именно интерпретацией Базарова: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумления — и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не считал нужным вымолвить».¹⁴ Достоевский высказал какие-то замечания о предпоследнем разговоре Базарова и Аркадия в главе XXV: ему показалось, что там «недостает чего-то». Тургенев, несколько раз переделавший указанное место, воспринял это замечание Достоевского опять-таки как доказательство его глубокого понимания Базарова: «Вы освоились с этим типом». В письмах к друзьям от марта—апреля 1862 года, в которых Тургенев пытался разъяснить своего героя, он подчеркивал, что лучше всех его поняли А. Майков, В. Боткин и Достоевский.¹⁵

Журнальная полемика о романе «Отцы и дети», как известно, проходила чрезвычайно бурно. Очевидно, ближе всех была Достоевскому страховская оценка Базарова во «Времени». Страхов считал этот тип большой удачей Тургенева: после «раздвоенных» лишних людей, Рудиных и Лаврецких, наконец-то появился, по мнению Страхова, «тип цельного человека», и вышел он «простым, чуждым всякой изломанности, могучим душою и телом... он, так сказать, *более русский*, чем все остальные лица романа {...} его мрачная фигура величава и привлекательна» (1862. № 4). Поставив перед собой вопрос: «написан ли роман *за* молодое поколение или *против* него», Страхов отвечает, что «роман не прогрессивный и не ретроградный», а «всегдашний», жизненный, открывающий «новое лицо».¹⁶

Слово «нигилизм» Страхов вообще не употребляет даже по отношению к «фальшивым прогрессистам»: Ситникову и Кукшиной.

¹³ Там же. Т. 20, кн. 1. М., 1960. С. 339.

¹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 4. С. 358.

¹⁵ Там же. С. 359, 360, 363, 368, 385. Проблема Достоевский и Тургенев неоднократно исследовалась. Из новейших работ прежде всего следует назвать весьма содержательную книгу Н. Ф. Будановой «Достоевский и Тургенев» (Л., 1987; там же наиболее полная литература вопроса). Стоит также отметить интересные попытки реконструировать отзыв Достоевского об «Отцах и детях» в его утраченном письме к Тургеневу: Тюнькин К. И. Базаров глазами Достоевского // Достоевский и его время. Л., 1971; Батюто А. И. «Признак великого сердца...» // Русская литература. 1977. № 2.

¹⁶ Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. С. 240, 248.

И это, конечно, намеренно, в противоположность другим критикам (Антоновичу, Писареву, Ю. Жуковскому, анониму «Века»). Даже сам автор «Отцов и детей» неоднократно употреблял этот термин и в самом романе, и позже, в разъяснении его.

Достоевский с июня по август 1862 года был за границей, встречался с Герценом. Возможно, они говорили о романе Тургенева (вышеупомянутое письмо Герцена к Тургеневу с отзывом о романе написано в апреле, т.е. незадолго до встречи с Достоевским в начале июля).

В «Зимних заметках о летних впечатлениях», в которых исследователи справедливо улавливают влияние Герцена,¹⁷ содержится, без всякой связи с европейскими заметками, отзыв Достоевского о Базарове. Приводим полностью этот отзыв, хотя исследователи его неоднократно цитировали: «С каким спокойным самодовольствием мы отхлестали, например, Тургенева за то, что он осмелился не успокоиться с нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы. Лучше, чем мы, Господи помилуй! Да что же нас краше и безошибочнее в подсолнечной? Ну и досталось же ему за Базарова, беспокійного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности нам на показ, да еще прибавили, что он идет против эманципации женщины» (5, 59—60).

Ясно, что главный полемический пафос обращен против Антоновича, статью которого «Асмодей нашего времени» в № 3 «Современника» за 1862 год Достоевский успел прочитать еще до отъезда. Почти одновременно появилась в «Русском слове» первая хвалебная по отношению к Базарову статья Писарева, в которой критик утверждал, что Тургенев хотя и «не благоволил к своему герою» и «не любил Базарова», но признал его силу, признал его перевес над окружающими людьми и сам принес ему «полную дань уважения».¹⁸

Писаревская интерпретация Базарова была для Достоевского слишком примитивной. Герценовская оценка: «карикировал его» — тоже вряд ли бы понравилась Достоевскому (если на лондонском свидании заходил разговор о романе Тургенева), и он в «Зимних заметках...» дал свою оценку, в которой могла содержаться и полемика с Герценом.

¹⁷ Начиная от замечания Страхова в его воспоминаниях о Достоевском; затем подробно у Долинина (Последние романы Достоевского. М.: Л., 1963. С. 215); позже у С. Лишинера (Герцен и Достоевский: Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 37—61). Ср.: Дрыжакова Е. Достоевский и Герцен: Лондонское свидание 1862 года // Canadian-american Slavic Studies. 1983. Vol. 17. № 3. С. 325—348.

¹⁸ Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 14, 29.

У Достоевского был свой особый взгляд на тургеневского героя: Базаров — «беспокойный и тоскующий». Именно в этом ключе Достоевский, очевидно, и оценил Базарова в не дошедшем до нас письме к Тургеневу. А Тургенев, признавший оценку Достоевского «полной» и «тонкой» («Вы освоились с этим типом»), сам стал подчеркивать в письмах к друзьям, что «хотел сделать из него лицо трагическое».¹⁹

С другой стороны, известные нам письма Тургенева, полученные Достоевским в марте и апреле 1862 года, в которых Тургенев подчеркивал трагизм Базарова, могли повлиять на отзыв Достоевского в «Зимних заметках...». Первые четыре главы «Заметок...» (содержащие этот отзыв) появились во втором номере «Времени» за 1863 год.

Достоевский сочувственно оценил Базарова, «несмотря на весь его нигилизм», потому что увидел в нем нечто новое, уже возбуждавшее его внимание.

Еще за несколько месяцев до выхода романа «Отцы и дети» Достоевский, полемизируя с «Русским вестником», защищал так называемых «крикунов и мальчишек», «прогрессистов», которые часто бывают смешными, нелепыми, увлекаются «теоретическими бреднями», но хотят сами найти новую «формулу» общества. «Очень может быть, что усилия этих прогрессистов не отвечают жизни, но неужели ж не жизнь, не стремление жить и формулировать эти стремления управляют их действиями, а одно только тупое желание прослыть прогрессистами, как уверяете вы (т. е. Катков. — Е. Д.)» (19, 175). И далее, защищая этих «алчущих и жаждущих», признавая за ними «тоску и страдание», Достоевский осуждает тех, кто называет «прогрессистов» «бессовестными пустозвонами и манекенами». Конечно, это написано до петербургских пожаров, до прокламаций, столь испугавших Достоевского и все русское общество. Но и Базаров явился Достоевскому и читателю еще до этих событий. Отзыв в «Зимних заметках...» написан позже. Но, по-видимому, в сознании Достоевского была еще инерция в интерпретации тургеневского героя как одного из «молодых», «алчущих» и «ищущих» («беспокойный и тоскующий»), и он продолжал верить в «великое сердце Базарова». И это несмотря на то, что в прокламации «Молодая Россия» (май 1862 год), которую Достоевский нашел у дверей своей петербургской квартиры, невозможно было прочесть ничего, кроме призывов к «кровавой и неумолимой революции».

Известно по позднейшим воспоминаниям в «Дневнике писателя», что Достоевского более всего «ошеломили» тогда глупость, нелепость и ничтожество прокламации. «Мне ужасно стало досадно и было грустно весь день. Всё это было тогда еще внове и до того вблизи, что даже и в этих людей вполне всмотреться было тогда еще трудно. Трудно именно потому, что как-то не верилось, чтобы под всей

¹⁹ Тургенев И. С. Письма. Т. 4. С. 379, 381, 385.

этой сумятицей скрывался такой пустяк. Я не про движение тогдашнее говорю, в его целом, а говорю только про людей. Что до движения, то это было тяжелое, болезненное, но роковое своею исторической последовательностью явление, которое будет иметь свою серьезную страницу в петербургском периоде нашей истории. Да и страница эта, кажется, еще далеко недописана» (21, 25). Так пророчески писал Достоевский, вспоминая начало русского либерального движения, когда многое было совсем не ясно и молодые новые силы искали путей к лучшему будущему. Именно тогда, вначале, писатель приветствовал этот поиск и не испугался даже базаровского циничного нигилизма. Должно было пройти почти десять лет, чтобы, работая над «Бесами», Достоевский соединил в своем сознании фурьеристов, революционеров-мошенников и нигилистов.

В черновиках к роману мы находим воспоминания о Базарове и полемике 1862—1863 годов. Так, Княгиня (в окончательном тексте мать Ставрогина) рассуждает за обедом с Гр(ановским) и Ст(удентом) (в окончательном тексте отец и сын Верховенские):

«NB. Княгиня слыхала о нигилистах и видела (Писарев), но ей хотелось Базарова, и не для того, чтобы спорить или обращать того, а для того, чтоб из его же уст послушать его суждений (об искусстве, о дружбе) и поглядеть, как он будет ломаться а la Базаров.

Ст(удент) удирает (ударяет? — Е.Д.) напротив такую штуку, что выставляется самую равнодушною, спокойною и неподымчивою посредственностью <...> смеется о фаланстерах, где, приплясывая и припевая, будут косить <...> „Разделение труда, — отвечает он, — я разрушу, а те возведут”» (11, 71; курсив мой. — Е. Д.).

Как видим, Достоевский не просто вспомнил Базарова и Писарева, набрасывая диалоги «Бесов». Будущий Петр Верховенский может играть *под* Базарова, т. е. рассуждать об искусстве, о дружбе на *нигилистский* манер, а может *выставляться* по-базаровски *спокойным и равнодушным*, может смеяться над фаланстериями из четвертого сна Веры Павловны, — но главным для него является базаровский радикализм *разрушения*. «...Строить <...> не наше дело <...> Сперва нужно место расчистить», — говорил тургеневский герой. «Разделение труда <...> я разрушу, те (т. е. новые люди из романа «Что делать?») возведут», — провозглашает герой Достоевского.

В том же ключе, отталкиваясь от Базарова и его истолкователей, в черновиках писатель набрасывал черты будущего Петра Верховенского: «В начале является таким маленьким, невыдающимся...». По этому поводу вспоминается «маленький Писарев», «маленький», очевидно, по убогости своей идеологии («Я не про рост <...> впечатление было чего-то маленького» (11, 72)). И наконец, интерпретируется сама позиция автора, создателя Базарова: «Базаров написан человеком сороковых годов и без ломания, а стало быть, без нарушения правды человек сороковых годов не мог написать Базарова. — Чем

же он изломан? — На пьедестал поставлен, тем и изломан» (там же). Пред словами «и без ломания», на мой взгляд, должна стоять запятая, пропущенная либо самим Достоевским, либо при воспроизведении этой черновой записи.

Итак, работая над характером нигилиста Верховенского, Достоевский пересмотрел свое отношение к тургеневскому герою. Не трагизм, не тоску, не «великое сердце» видит он теперь в Базарове. Напротив, равнодушие, посредственность, «впечатление чего-то маленького», и вместе с тем, по мнению Достоевского, Тургенев, нарушая «правду», поставил его «на пьедестал».

В окончательном тексте «Бесов» Степан Трофимович раздражается филиппикой против Базарова:

«Я не понимаю Тургенева. У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном, *c'est le mot* (именно так. — *Е. Д.*). Посмотрите на них внимательно: они кувыркаются и визжат от радости, как щенки на солнце, они счастливы, они победители! Какой тут Байрон!.. И притом какие будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбия, какая пошленькая жажда *faire du bruit autour de son nom* (поднимать шум вокруг своего имени. — *Е. Д.*), не замечая, что *son nom*... О карикатура!». Далее филиппика продолжается уже в адрес Петра: «...неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь?» (10, 171). Здесь устами старшего Верховенского, конечно, говорит сам автор «Бесов». Ясно, что свое первоначальное сочувственное отношение к Базарову Достоевский в конце 1860-х годов пересмотрел.

Этот пересмотр происходил, очевидно, постепенно. Еще в 1863 году началась во «Времени» и продолжалась до конца существования журнала «Эпоха» полемика Достоевского с «Современником» о «свистунах», «хлебных и нехлебных вопросах». Все перепуталось. Произошел и «раскол в нигилистах», т. е. перебранка «Современника» и «Русского слова». Роман Тургенева был отодвинут на второй план новыми литературными и общественными событиями.

* * *

1863 год принес России и русскому обществу много неожиданных и тревожащих проблем. Для Достоевского это был особенно тяжелый период (запрещение «Времени», трудная поездка за границу, борьба за новый журнал и др.). А в литературе этот год был ознаменован выходом двух нигилистических романов: «Что делать?» (Современник. № 3, 4, 5) и «Взбаламученное море» (Русский вестник. № 3—8).

С Чернышевским у Достоевского уже сложились непростые, но и невраждебные отношения. Были и личные встречи, и острые разговоры, и поддержка в полемике с «Русским вестником». Был и обмен мнениями о Чернышевском с Герценом.

В конце 1861—начале 1862 года Достоевский готовил достаточно резкую полемическую статью о Чернышевском для «Времени» (в записных книжках сохранились наброски этой статьи). Конечно, писатель не разделял идей Чернышевского, но считал его деятельность заслуживающей серьезного внимания. Среди набросков можем прочесть: «В основе мы с вами согласны; но вы построили на этой основе всё вздор. Вы хоть и шут и невежда, но вы честны и в основании верны <...> Вы начали первый. Мы начинать не хотели, хотя давно уже ежились. Но вы были нам дороги, мы вам сочувствовали и мы решились лучше молчать, хотя я уж и не знаю, как у нас иногда щемило в душе, читая ваше шутовство...», «плоды не едят на картине» (20, 155). Достоевский упрекает Чернышевского в «высокомерии и назойливости», в «безобразном самолюбии», в «шутовстве» и т. п. Разумеется, что после ареста Чернышевского печатать подобную статью было невозможно.

С Писемским Достоевский встречался в литературных кругах, но личных отношений не было. Роман «Тысяча душ» он прочитал еще в Семипалатинске и писал брату 31 мая 1858 года: «Это только посредственность, и хотя золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, *созданный*, никогда не являвшийся? Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам» (28, 312).

В новом романе 1863 года «Взбаламученное море» Писемский создает довольно банальную семейную историю с запутанными любовными перипетиями. Здесь же и чиновный произвол, и неправый суд, и денежные аферы. По собственной интерпретации Писемского, он хотел описать все «живые и фальшивые стороны» русского общества, изобразив тем самым «почву, на которой последнее время расцвела наша псевдореволюция».²⁰ В последней, шестой, части романа появляются прокламации, революционеры, произносящие ультралиберальные тирады. Среди них есть девушка-нигилистка, которая непременно хочет прочесть «Царя Никиту» и отстаивает право супругов на измену хоть на следующий день после венца. Изображение нигилистов-революционеров, «красных», как их называет Писемский (гл. 12), выглядит наспех придуманным довеском к бытоописательному роману, хотя сам автор надеялся «дать революционному направлению такой щелчок, после которого оно уже больше и не поднимется».²¹

²⁰ Писемский А. Ф. Письма (Лит. архив). М.; Л., 1936. С. 164.

²¹ Там же. С. 160.

Достоевский, скорее всего, прочитал оба романа, уже вернувшись из-за границы, т. е. в ноябре 1863 года.

Публикация «Что делать?» в «Современнике» произвела на русское общество впечатление чрезвычайное. Все знали об аресте автора, но роман был опубликован с указанием его имени. Позже А. А. Фет вспоминал об этом так: «Мы с Катковым не могли прийти в себя от недоумения и не знали только, чему удивляться более: циничной ли нелепости всего романа или явному сообщничеству существующей цензуры».²² И. А. Гончаров как очевидец того времени вспоминал о появлении романа в печати с еще большей экспрессией: «Вот бездарный, тенденциозный памфлет „Что делать?“ под фальшивым паспортом романа проскочил же в печать, под эгидой той же узко чиновничьей и осторожной цензуры».²³

Упоминания о романе появились в петербургских газетах непосредственно после публикации («Голос», «Северная пчела»). Салтыков-Щедрин в четвертом номере «Современника» осторожно, но, скорее, сочувственно оценивал еще не законченный роман. В «Отечественных записках» (1863. № 12) в разделе «Литературная летопись» был напечатан анонимный (Дудышкин? Громека?) иронический отзыв: «*Что делать с Взбаламученным морем*». Серьезная полемика о романе Чернышевского началась только в 1864 году.

Достоевский сразу после возвращения из-за границы включился в хлопоты по открытию нового журнала взамен запрещенного «Времени». Он пишет М. М. Достоевскому, что хотел бы написать для нового журнала «три статьи». Кроме передовой, еще «разбор Чернышевского романа и Писемского произвел бы большой эффект и, главное, подходил бы к делу. Две противоположные идеи и обеим по носу» (28, 57).

Таким образом, идея сопоставления романов с положительным и отрицательным изображением нигилистов казалась Достоевскому интересной, и он явно не одобрял ни той, ни другой концепции: «обеим по носу».

Разбора этих романов Достоевский тогда, в конце 1863 года, не написал, но включился в бурную полемику «Современника» с «Русским словом» (Щедрин, В. Зайцева, Писарева, Антоновича, Г. Елисеева, Ю. Жуковского). Полемика эта продолжалась более двух лет, и в ней приняли участие почти все русские журналы и газеты.²⁴

²² Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. С. 429.

²³ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 397.

²⁴ См.: Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский: Художественное творчество. М., 1984. С. 105—118. Обзор этот, однако, страдает недостаточной объективностью. С привлечением меньшего материала, но более глубоко и объективно излагает содержание полемики вокруг романа Чернышевского И. П. Видуэцкая в сб.: «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (М., 1990. С. 78—93).

Полемиическая статья Достоевского «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах» появилась в «Эпохе» (1864. № 5), и связана она в большей степени с публикациями Щедрина в 1863 году, прежде всего с беллетризированными заметками «Как кому угодно» («Современник». 1863. № 8). Исследователи полагают, что в этих заметках содержится некое «полемиическое звучание» по отношению к роману «Что делать?».²⁵ Во всяком случае, Страхов в «Заметках летописца» («Эпоха». № 10) высказал недоумение по этому поводу, считая, что Щедрин «напал на роман “Что делать?”». Вероятно, современникам скрытые туманные намеки были ощутимее, чем нам теперь. Тем более что Щедрин продолжал свои осторожные скептические высказывания по поводу романа Чернышевского и далее (в «Современнике» в № 11 за 1863 г. и в № 1 и 3 за 1864 г.). Открытой полемики быть не могло, поскольку роман был напечатан в том же журнале. Но он, вероятно, давал Щедрину так много поводов для несогласия с его собственной социальной концепцией, что писатель изыскивал возможность высказать это.

Например, Щедрин не считал роман «Что делать?» «литературным явлением». С его точки зрения, в 1863 году русская литература «безмолвствует». Но все же он поминает «Взбаламученное море», потом «Марево».²⁶ Разумеется, оба нигилистических романа трактуются Щедриным весьма иронически. Ему вообще кажутся совершенно ненужными «толки о молодом поколении». Щедрин в чрезвычайно резкой форме полемизирует с публицистами из «Русского слова». Противопоставление старых и новых людей тоже кажется сатирику «ненужными разглагольствованиями». А ведь роман Чернышевского уже в подзаголовке подчеркивал, что его герои именно новые люди.

Щедрин оспаривает мнение Чернышевского, согласно которому нельзя «смешивать понятие о деятелях с понятием о деле, ставя на главный план первое <...> Имеем ли мы право сказать литературе: довольно болтать пустяки о молодом поколении <...> покров всегда останется покровом, и как бы мы ни старались его сделать прозрачным, все же первый план нашей деятельности будет занят не делом, а усилиями выразиться о деле таким образом, чтобы оно уж не очень было похоже на безделье».²⁷ Учитывая название романа Чернышевского, можно считать, что эти слова Щедрина метят в роман «Что делать?».

Достоевский, как уже говорилось, приступая к изданию нового журнала, хотел было написать критический разбор двух нигилистических романов 1863 года и осудить оба. В середине 1864 года, заме-

²⁵ См. примечания В. А. Мыслякова в кн.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. С. 682.

²⁶ Там же. Т. 6. С. 254, 315—319, 320, 322, 409.

²⁷ Там же. С. 312—313.

тив в статьях Щедрина скрытую полемику с идеями романа «Что делать?», Достоевский решил посмеяться и над Щедриным, и над Чернышевским, и над апологетами романа из «Русского слова», и вообще над «современными» романами «с направлением», которые «ужасно распространяются» (20, 104).

Однако вместо разборов таких романов Достоевский написал пародийный «Отрывок из романа „Щедродаров”», где более всего досталось редакции «Современника», Щедрина как ее члену, рикшотом Писареву и Зайцеву, но в конце концов все свелось к мелочной полемике.

Роман «Что делать?» упомянут Достоевским с самого начала как знак, вводящий последующие комические диалоги в определенный подразумеваемый контекст. И далее сквозь достаточно грубую «юмористику» просвечивает ироническое изложение эстетики Чернышевского, как ее понимал писатель и как он готовился полемизировать с ней, набрасывая еще в 1861—1862 годах статью в ответ Чернышевскому («яблоко натуральное и яблоко нарисованное», «плоды не едят на картине», о «бесполезности» и «отсталости» Шекспира и т. п. — 20, 152, 155, 178). Издается Достоевский и над идеями «новых экономических отношений», и над «муравейником» как величайшем идеалом социального устройства, и над первенством «брюха», которое, по его мнению, было главной заботой всех социалистов (20, 105, 110, 111). Все это имело гораздо более прямое отношение к Чернышевскому, чем к Щедрину.

Достоевский, конечно, обратил внимание, что в мартовском выпуске хроники «Наша общественная жизнь» среди рассуждений о нигилистах, прогрессистах, юродствующих, вислоухих и т. п., среди критического разговора о нигилистических романах («Отцы и дети», «Взбаламученное море» и «Марево») Щедрин достаточно неожиданно перешел к роману Чернышевского: «Другой пример: в прошлом году вышел роман „Что делать?” — роман серьезный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывавший на эти основы. Автор романа, без сомнения, обладал своею мыслью вполне, но именно потому-то, что он страстно относился к ней, что он представлял ее себе живою и воплощенною, он и не мог избежать некоторой произвольной регламентации подробностей, и именно тех подробностей, для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных».²⁸

Очевидно, Достоевский понял и из других туманных рассуждений Щедрина (о необходимости «дела», а не утопий, о «бесплодности» в современной литературе «толков» о роли «молодого поколения»), что роман Чернышевского не только не восхваляется Щедриным (как

²⁸ Там же. С. 324.

это делали в «Русском слове»), но, скорее всего, не нравится ему. Возможно, именно эту позицию и имел в виду Достоевский, когда в конце своего сатирического очерка уже серьезно писал, «что г-н Щедрин в последнее время сильно противоречил в своих последних статьях духу и направлению „Современника”» (20, 117).

В первые месяцы 1864 года Достоевский был занят работой над «Записками из подполья». Как обычно, все шло трудно, особенно в начале. Известно из письма к брату от 26 марта, что первая часть «Записок» была напечатана с «надерганными фразами и противуреча самой себе». Цензура пропустила то, где он «глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*», и не пропустила то, где была выведена «потребность веры и Христа» (28₂, 73). Возможно, эта последняя часть была написана в духе сохранившейся в черновом варианте статьи «Социализм и христианство» (20, 191—193). А «богохульство для виду» мы как раз и находим в первых одиннадцати главах.

Исследователи неоднократно указывали, что именно в этих главах и содержится полемика с романом Чернышевского. Poleмика, конечно, есть, но это, скорее, общая полемика Достоевского с социализмом, с теорией пользы и выгоды, идеей новых экономических отношений на основе так называемого разумного эгоизма. Эти идеи содержались не только в романе Чернышевского, но и в статьях Писарева, Зайцева, Благосветлова и др. О Хрустальном дворце, муравейнике, рационалистических формулах и пр. Достоевский писал в «Зимних заметках...» еще до появления романа «Что делать?». В «Записках из подполья» есть эпизод столкновения героя с офицером, в котором некоторые видят отголосок сходного эпизода в романе Чернышевского. Мне это не представляется доказательным, и я присоединяюсь к мнению В. А. Туниманова о легковесности этой гипотезы.²⁹

Вместе с тем почти в это же самое время (середина 1864 года) Достоевский делает наброски будущего «Крокодила» и незаконченного стихотворного памфлета «Офицер и нигилистка». И в этих набросках мелькают отдельные фразы как будто запомнившихся Достоевскому мотивов и реплик из романа Чернышевского: «для меня нужна только одна сигара», «выгода именно в том, что мне приятно», «я должен стоять за то, чтоб мне было как можно выгоднее», «муж позволил ей иметь любовника» (5, 328, 331, 333).

В самых первых записях о нигилистке, которая «остригла волосы и избегает родительской власти», читаем: «голенькая ножка. Застрелись» (17, 29). Можно думать, что это тоже связано с восприятием Достоевским некоторых деталей из романа «Что делать?» (эпизод с одеванием чулочек и фиктивное самоубийство Лопухова).³⁰

²⁹ Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854—1862. Л., 1980. С. 277.

³⁰ См. об этом: Dryzhakova E. Dostoevsky, Chernyshevsky and the Rejection of Nihilism // Oxford Slavonic Papers. 1980. Vol. 13. P. 70.

На каком-то этапе в работе над стихотворным памфлетом появились мотивы фиктивного брака: «фиктивно-брачная квартира», «в фиктивном браке живут втроем», «к законной женке придет приятель пошалить» (17, 19—22). В этих фразах тоже можно увидеть окарикатуренные намеки на ситуацию романа «Что делать?».

В окончательном варианте саркастический фельетон «Крокодил», конечно, не был прямым памфлетом на Чернышевского, но определенная доза яду по отношению к автору романа «Что делать?», «новому Фурье», несомненно, присутствует в фельетоне, что бы там Достоевский ни писал позже в «Дневнике писателя». Внимательное чтение подготовительных черновых записей приводит к этому выводу, несмотря на то что в этих записях явно видны насмешки и над Зайцевым, и над Благоветловым, и над Писаревым, и над Щедриным.

Итак, Достоевский сам разбора «Что делать?» не написал, ограничился насмешками и намеками — да и то более в черновиках. Но в «Эпохе», руководимой Достоевским, появились в 1864 году четыре статьи, затрагивающие проблемы романа Чернышевского. Это статья Страхова «О женском труде» (№ 4) и три статьи Н. И. Соловьева: «Теория безобразия» (№ 7), «Теория пользы и выгоды» (№ 11) и «Женщинам» (№ 12). Последняя представляет собой подробный иронический разбор «Что делать?». С позиции врача Соловьев пытается опровергнуть нигилистические представления о равенстве полов и возможности эмансипации женщины и утверждает, что женщина не может «желать и чувствовать, как Базаров», хотя бы потому, что «любовь ей обходится дороже, чем мужчине». Достоевскому, очевидно, понравились статьи Соловьева, и он предпочел соловьевский разбор «Что делать?» страховскому. В. А. Туниманов приводит свидетельство Страхова, что Достоевский «не решился» напечатать в «Эпохе» его статью «Счастливые люди», в которой он последовательно и серьезно опровергает эталоны счастья по Чернышевскому. Страхов считал, что «тонкий холод ужаса должен прохватить каждого живого человека, когда он прочтет это приглашение к счастью». ³¹ Статья Страхова была напечатана в «Библиотеке для чтения» (1865. № 7—8).

Позже, в связи с объяснением по поводу «Крокодила», Достоевский вспоминал о своем отношении к роману «Что делать?»: «В одном из самых последних №№ прекратившегося в то время журнала „Эпоха“ (чуть ли не в самом последнем) была помещена большая критическая статья о „знаменитом“ романе Чернышевского „Что делать?“. Эта статья замечательная и принадлежит известному перу. И что же? В ней именно отдается всё должное уму и таланту Чернышевского. Собственно об романе его было даже очень горячо сказано. В замечательном же уме его никто и никогда не сомневался. Ска-

³¹ Цит. по: Туниманов В. А. Творчество Достоевского. С. 276.

зано было только в статье нашей об особенностях и уклонениях этого ума, но уже самая серьезность статьи свидетельствовала и о надлежащем уважении нашего критика к достоинствам разбираемого им автора» (21, 29—30).

Е. И. Кийко в комментарии к этой статье полагает, что Достоевский перепутал статью Соловьева (в № 12 «Эпохи») со статьей Страхова в «Библиотеке для чтения» (21, 396). Я остаюсь при своем мнении, что в цитированном «Дневнике писателя» Достоевский имеет в виду статью Соловьева «Женщинам», которая привлекла его внимание и упомянута в записной книжке 1864 года: «Именье. (Бедная женщина. Статья Сол(овье)ва)» (20, 191).³² Возможно, ироническая статья Соловьева о романе казалась писателю более уместной, чем серьезные рассуждения Страхова.

* * *

Среди цитированных выше записей к «Крокодилу» Достоевский набрасывает заметки о «нигилистических» романах первой половины 1860-х годов: «Нигилисты. Читали: „Откуда“, „Покуда“, „Накануне“, „Послезавтра“, „Зачем“, „Почему“. — Стало быть, вы ничего не читали. Это всё я написал. „Как?“ — То есть как-с? — Роман „Как?“» (5, 326).

Он пародирует общий претенциозный стиль заглавий нигилистических романов. В том же ряду названы и конкретные романы Тургенева, Лескова, рассказ А. Сусловой и, конечно, роман Чернышевского. Именно этот роман, «Как?», т. е. «Что делать?», должен открыть нигилистам все подробности нового «учения».

К каламбурному сопоставлению заглавий новых романов Достоевский прибегает еще раз: «Г-н Боборык(ин), проехав свою путь-дорогу, дошел до убеждений, что более уже ехать *некуда*» (20, 184). Еще раз обыгрывает он название романа Лескова в набросках статьи «Наши направления. Западники. Славянофилы и реалисты»: «А с Белой Арапией всё сказано, дальше *некуда* — в безвоздушное пространство» (20, 187; курсив мой. — Е. Д.) («Белой Арапией», как справедливо отмечают комментаторы Достоевского, он называл утопические идеи социалистов — 20, 369).

Постепенно среди записей середины 1864 года появляются наброски статьи о нигилизме и нигилистах:

«Они разом решили: всеобщее материальное богатство. Этот пункт у них бесспорный и даже не требует разрешения. В Белой Арапии это поставлено идеалом. Для этого нужно было всем смириться

³² См. примечания Достоевского к статьям Н. И. Соловьева и мой комментарий к ним (20, 228, 231, 416, 423).

и согласиться жить в обществе, весьма похожем на муравейник. Но так как они предчувствовали, что им возразят: что человек не согласится столько пожертвовать, — то они прямо ударились в нигилизм и стали отрицать человека, чувство, душу, религиозность, искусство, свободу — всё» (20, 188).

Однако статьи о нигилизме как об идеологической доктрине Достоевский не написал. Не завершил он и почти законченную статью «Социализм и христианство». Журнальная полемика 1864 года на несколько фронтов — с «Русским словом», «Современником» и с «Голосом» — отнимала время и силы. К тому же литературные явления интересовали Достоевского больше, чем критика. А 1864 год был богат такими явлениями.

Уже упоминался роман «Некуда» Стебницкого, т. е. Лескова, тогда еще почти неизвестного литератора. Достоевский, очевидно, читал его по ходу появления в «Библиотеке для чтения» (1864. № 1—5, 7—8, 10—12). Перед этим Лесков опубликовал лишь несколько очерков и бытоописательных рассказов, а также рецензию на роман Чернышевского «Что делать?». Его очень заинтересовали новые люди, поскольку он был убежден в неизбежности глубоких и серьезных перемен в России и прежде всего в необходимости труда, терпения и веры в будущее. Роман Чернышевского Лесков защищал за изображение «хороших людей», знающих, *что делать*, и одновременно он осуждал всяческих «крикунов», «нигилистов», «дурачков» и особенно тех «нетерпеливцев», которые «призывают бурю». ³³ Именно с таких позиций и написан роман «Некуда».

Тех, кто трудится, ищет, верит в свои идеалы (Райнер, Лиза, Помада), Лесков рисует положительно, хотя их взгляды далеко не разделяются автором. Их судьбы трагичны, потому что их стремления и идеи чужды России. Саркастически изображены только те герои, которые кричат, призывают к революции, а сами ничего не делают или делают гадости (Арапов, Белоярцев, Красин и др.).

Женский вопрос занимает в романе очень важное место. Можно сказать, что главное трагическое лицо в нем именно женщина, Лиза. Доктор Розанов — скорее, ведущий и соединяющий все судьбы персонаж.

Лиза — и нигилистка, и новая женщина. Но ничто в ее облике, кроме разве курения, не подчеркивает в ней тип *étancipée*. Она читает, думает, работает, не совершает никаких безнравственных поступков. Просто ей, по мнению автора, в самом деле (как и многим другим нигилисткам из «Дома согласия») действительно *«некуда*

³³ См. об этом: *Троицкий В. Ю.* Идеино-эстетическая борьба вокруг романа Чернышевского «Что делать?»: (Н. Г. Чернышевский, Н. С. Лесков, И. А. Гончаров) // «Что делать?»: Чернышевского: Историко-функциональное исследование. М., 1990. С. 115—119.

было деться».³⁴ Это ощущение тупика (некуда идти) проходит через весь роман.

Во второй части романа «детья некуда» формулирует доктор Розанов, а Лиза призывает его изменить кажущуюся безвыходной жизнь, ехать в Петербург, писать диссертацию и не быть пессимистом.³⁵ Но ни Лиза, ни Розанов не находят нового жизненного пути, потому что, по интерпретации Лескова, нового разрешения этих проблем пока вообще не найдено.

Новое пока еще «кружится» и в политическом, и в экономическом, и в нравственном аспектах. Роман заканчивает дельный молодой купец, ставший крупным хозяином. По его мнению, надо работать, потому что иной дороги никто не знает, а если все время кружиться, то «сесть будет некуда».

Достоевского могла заинтересовать у Лескова именно эта идея неясности, нереальности всех видимых путей современного русского общества. Куда же мы движемся? В самом деле «более уже ехать некуда», «в безвоздушное пространство»?

Роман Лескова, показывающий разные общественные слои и поколения, разные тенденции среди интеллигенции и молодежи, давал материал для размышлений. В набросках передовой статьи для издания «Эпохи» в 1865 году Достоевский записал: «...И вот всё поколенье оказалось несостоятельно, и это плоды трудов Петра! Что принесло, чем кончило наше поколенье: социальные не свои теории и рабскою боязнию иметь свою мысль («Совр(еменник)», «Рус(ское) слово»). И это еще лучшее, потому что что ж представляют нам другие-то представители высшего общества? Ломаный французский язык с акцентом и доживание доходов, а остальная огромная масса живет, перебиваясь копейками и ничего не видя, кроме своих интересов» (20, 194). Мысли эти могли быть навеяны чтением романа «Некуда».

Одновременно с романом Лескова печатались еще два нигилистических романа: «Марево» В. И. Ключникова (Русский вестник. 1864. № 1—3, 5) и «Мудренное дело» Н. Д. Ахшарумова (Эпоха. 1864. № 5—7).

В романе Ключникова есть демонический герой граф Бронский, мечтатель, корыстолюбец и коварный соблазнитель. Противостоит ему слабый человек, романтик Русанов, который пытается служить, делать что-то разумное и справедливое, но не знает, что собственно и как нужно делать. Именно он все русское оппозиционное движение начиная с 1840-х годов называет «маревом», призраком, вредной мечтой, из-за которой загублено столько жизней. Женский вопрос в этом романе включается в общую картину осуждения мечтательства.

³⁴ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1956. Т. 2. С. 172.

³⁵ Там же. С. 235.

Героиня более похожа на Елену Стахову, никаких нигилистических атрибутов у нее нет. Мужская половина нигилистов представлена более разнообразно.

Роман имел успех и был воспринят как «нигилистический». Его высмеивали Писарев, Зайцев, а Щедрин приводит этот роман как пример литературы, «поставившей себе целью исследовать свойства ядов, истекающих из молодого поколения (<...> Бессмысленное слово „нигилисты” переходит из уст в уста, из одного литературного органа в другой, из одного литературного произведения в другое» («Наша общественная жизнь»)).³⁶

Далее Щедрин очень подробно, на шести страницах, разбирает «Марево», особо высмеивая тип умеренного либерала Русанова, «нищего духом» и проповедника «теории каплуныего самодовольства». Щедрин считает, что подобные люди (к ним он относит и автора разбираемого романа) это «Дон-Кихоты консерватизма», которым всюду «мерещатся нигилисты», и они вводят в заблуждение неприхотливую русскую публику. Но более всего содействуют этому заблуждению «вислоухие и юродствующие горлопаны», которые поднимают на щит любого «прогрессиста» и «нигилиста»: «болтуна Базарова», «воришку Басардина», «гимназиста Горобца», «Кукшину» и т. п. Ясно, что Щедрин метит в публицистов «Русского слова». По его мнению, эти же «вислоухие» способны исказить какую угодно идею. И далее Щедрин приводит «другой пример» — роман «Что делать?». И там «вислоухие» не умеют отличить «живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей».³⁷

Достоевский, несомненно, прочитал этот разбор, ибо из него взяты процитированные в последнем разделе «Щедродарова» цитаты о «вислоухих и юродствующих», которые «засиживают какую угодно вещь» (20, 314). У нас нет данных полагать, захотел ли Достоевский после этого прочесть сам роман Ключникова, но интерес к подобным романам у Достоевского был. Тем более что у него уже возникла идея сопоставления романов Писемского и Чернышевского. А в разборе Щедрина «Что делать?» тоже рассматривался как роман о молодом поколении, о нигилистах и прогрессистах.

В том же 1864 году появился в «Эпохе» (№ 5—7) роман «Мудрое дело» Н. Д. Ахшарумова (1820—1893), одного из четырех известных в русской литературе братьев. Автор этот подвизался в беллетристике с конца 1840-х годов. Подражал Достоевскому и, конечно, не случайно оказался в его журнале.

Роман представляет собой записки провинциального помещика Бубнова, который приезжает в Петербург и попадает в журналистские круги начала 1860-х годов. Он ведет дневник своих встреч и

³⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 315.

³⁷ Там же. С. 321—324.

впечатлений и пытается понять сложные подводные течения критики и полемики того бурного времени.

В описании отдельных персонажей довольно прозрачно угадываются Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Некрасов, Тургенев и др. Радикальные идеи «Современника» и ультранигилистические идеи «Русского слова», споры западников и почвенников, даже пресловутый «Роковой вопрос» Страхова — все это нашло отражение в романе. Нигилисты всех мастей, материалисты, реалисты и т. д. присутствуют в романе в большом количестве, спорят и нападают друг на друга. «Мудреное дело» Ахшарумова — поистине нигилистический роман.

Женский вопрос занимает в этом романе очень важное место. Можно сказать, что он ведет сюжет. (Бубнов влюбляется в незамужнюю женщину с внебрачным ребенком и никак не может решить, жениться ли ему на ней или нет). Теоретически проблема эмансипации женщины обсуждается с первых страниц романа. Герой, пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, спрашивает у своего друга Касимова, что он думает об эмансипации женщин. Касимов отвечает: «За чем я буду думать о том, чего нет».³⁸

Действительно, для Касимова в женском вопросе ничего не изменилось. Он спокойно изменяет своей жене, обольщает бедную гувернантку и делает ее матерью. Но для Бубнова, желающего стать современным, встает много нерешенных вопросов. Ему неприятны женщины с грязными ногтями, которые не занимаются домом и детьми. Но все же в доме Святухина (Чернышевского) он провел «очень приятно часа полтора», говоря об итальянских делах, листая «Колокол» и т. п., и нашел, что, несмотря на беспорядок в комнатах и грязное платье, его жена «добра» и «недурна собой».

Постепенно Бубнов начинает разбираться в водовороте идей и знакомится с этой бывшей гувернанткой. Она совсем не похожа на нигилистку: и волосы в порядке, и не курит, и очков не носит. У нее живые и ясные глаза, она много и тяжело работает и верит в лучшее будущее. Бубнов с его вечными сомнениями даже завидует ее темпераменту и надеждам на «общее дело».

Превосходство Лидии, казалось бы униженной, ощущает не только влюбившийся в нее Бубнов и ее духовный теоретический наставник из новых людей Иверский, но и примитивный ее обольститель Касимов. Лидия хотела быть свободной и равноправной в решении своей женской судьбы, и поэтому она отказывается от помощи Касимова и не хочет жить за счет Бубнова, хотя любит его и готова соединить с ним свою судьбу.

Бубнов любит Лидию, но не знает, что ему делать, и отправляется за советом к Иверскому. Тот определенно советует ему жениться.

³⁸ Ахшарумов Н. Д. Мудреное дело: Очерк из летописей русской словесности в трех частях. СПб., 1895. С. 19.

И вот тут открывается вся прежняя, многократно осмеянная критикой, слабость русской мужской натуры: герой испугался и стал выдумывать различные психологические нюансы, препятствующие браку: не нужно «формальных обязательств», будем жить свободно, «без всякого договора». Лидия согласна на такой поворот, но при этом у нее непереносимое требование остаться свободной во всем и не изменить своей идее полной самостоятельности. Оказывается, героя это не устраивает. Так и превращает он свою любовь в *мудреное дело*. Иверский, пытаясь ему помочь, советует:

«Весь вопрос в том, что вы любите больше: Лидию Алексеевну или идею, для которой она собой жертвует? Если идею, то больше и говорить не о чем, но если вам дорого счастье женщины, то вы бросьте идею и не беспокойтесь о ней чересчур».³⁹

Пока Бубнов размышлял, что важнее, любовь или идеи, появляется его старший брат со старомодным взглядом на падшую женщину, на которой нельзя жениться. Определенность позиции брата тотчас вызывает противоположную реакцию Бубнова. Он решает жениться немедленно и готов для этого даже «в ногах валяться». Но оказалось, что этого не требуется. Если не делать из женского вопроса мудреного дела и не жить по теориям, все совершается просто и к обоюдному счастью.

Ахшарумов напечатал свой роман в «Эпохе». Естественно, что Достоевский читал его и размышлял над ним. Именно в это время он и задумал статью о нигилистическом романе.

В записи от 14 сентября 1864 года среди заметок для политических статей читаем:

«Нигилизм (подробнее).

1) Об отношениях к женщине. Семена Захожева записки. *Именье*. (Бедная женщина. Статья Соловьева)» (20, 191, 384).

Пресловутый женский вопрос, казалось бы, возник перед Достоевским достаточно внезапно. Единственная связь — это рассуждения о католицизме, безбрачии священников и «отношение к женщине на исповеди». Но поставив этот вопрос, Достоевский тотчас же вспомнил о сугубо сексуальной проблеме — *именье* — и в связи с этим о статье Н. Соловьева (о ней уже шла речь).

Соловьев писал о неравности положения в семье мужчины и женщины, о том, что женщина должна думать о последствиях любви, о беременности, о детях. Он иронически отмечал, что в романах о женской эмансипации героини бездетны, приводя в пример «Что делать?».

Достоевский как будто хотел оттолкнуться от женского вопроса и написать в связи с этим «подробнее» о нигилизме. В отличие от Соловьева и Чернышевского он более остро поставил проблему детей: «До того нравственная связь плоха, что нигилистки родят и вытравливают» (20, 194).

³⁹ Там же. С. 256.

Как видим, нигилизм в тот момент ассоциировался в сознании Достоевского прежде всего с женским вопросом. Возможно, именно роман Ахшарумова тому причиной. Рассуждения Достоевского о романе Ахшарумова начинаются в записных тетрадах с обозначения: «Записки журналиста». Роман печатался в «Эпохе» с подзаголовком: «Из летописей русской словесности» и в форме записок главного героя. Этот герой, Бубнов, вечно сомневающийся и страдающий, находится как бы в положении лишнего человека. Достоевский иронизирует над ним уже в первой записи:

«„Я надломлен“. («Уголки поэзии»). Что это они как скоро все устали; Господи, как скоро устает это поколение отрицателей!».

Следующая запись об этом герое:

«Да чего ж он не сунулся-то к ней (к Лилиньке). Ведь он бы жил. Да что в том, что он бы жил: она бы жила на его руках, и он бы чувствовал, что она бы жила (хотят счастья только себе). Расходятся из эгоизма направления, в безмолвном и гордом страданье. Бессмысленные романтики — да им всех〈м-?〉 хочется, так и при〈й-?〉те〈и-?〉 за всех на крест, и то счастье.

Что останется после их счастья? Есть, жиреть и в карты играть. Китайский уклад. О бессмыслица!

Да, бедны мы. Э-эх!

Как это оправдывает. Но может ли эта ничтожность их намерений быть счастливыми мешать? Их счастью помешает. Но намерение... нет, не должно. Немецкий это расчет, а не гуманный. Да даже и расчет на их стороне. Ведь работает же Лилинька, работает же и он, — ну, работайте вместе» (20, 195; поправки в угловых скобках мои. — Е. Д.).

Учитывая особенности текста (фрагментарность, трудность прочтения, возможность описок и др.), все же можно видеть, что Достоевский прежде всего осуждает «бессмысленного романтика» Бубнова, с его «гордым страданием», не умеющего построить свою жизнь и работать вместе с любимой женщиной. Осуждается и примитивное бездуховное счастье («китайский уклад»). Лилинька (у Ахшарумова Лидинька) не ведет себя как нигилистка, хотя и родила внебрачного ребенка, содержит его и себя собственным трудом и отказывается от брака.

Следующая запись о последней части романа:

«В романе Ахшарумова, 3-я часть. Осел-герой не знает, жениться или нет? Бежит за этим к Иверскому.

— Не хочу жить на твой счет, — говорит героиня герою.

Все они боятся этого как чумы» (20, 196).

(К этому месту записи, очевидно, относится приписанное на полях дополнение: «Тут нигилисты противуречат себе. Тут они мешане и собственники» — там же). Далее продолжение записи:

«Это безнравственно. Это — делиться, начала разделения, это — хлопотать о своей ювелирской вещице — личности. Еще правило — *единственность* сюжета нигилистических романов. Еще что

НВ. Из этого статью: Нигилистические романы» (20, 196).

Как видим, Достоевский по мере чтения романа усилил свое осуждение героя («осел» и т. п.). Да и героиня потеряла его сочувствие из-за своих эмансипированных стремлений к материальной независимости от мужчины («безнравственно» и т. п.). После этого роман Ахшарумова был причислен Достоевским к разряду «нигилистических», и он, видимо, захотел написать об этом отдельную статью. Тем более что видел «единственность» сюжетов подобных романов.

Может быть, Достоевский вспомнил или имел в виду еще один пример такого «нигилистического романа»: повесть Леона Бранди «Смелый шаг». Повесть эта была напечатана в № 11 «Современника» за 1863 год. Достоевский тогда только что вернулся из-за границы, обдумывал начало нового журнала и намеревался написать статью о нигилистических романах: «Что делать?» и «Взбаламученное море». Повесть со столь экспрессивным названием могла заинтересовать его.

Автором повести «Смелый шаг» был Л. И. Мечников (1838—1888), брат знаменитого биолога И. И. Мечникова. В 1870—1880-е годы Л. И. Мечников выступал как публицист, историк и географ в различных русских изданиях, а в 1860-е годы отдал дань радикализму, переписывался с Чернышевским, встречался за границей с Герценом и примыкал к так называемой молодой эмиграции.⁴⁰

В повести «Смелый шаг» описана типичная нигилистическая история. Лизавета Григорьевна Стретнева, хорошенькая жена богатого, практичного и либерально настроенного человека, не испытывала никаких чувств к своему мужу и была «не намерена склоняться ни перед какой диктатурой».⁴¹ Это типичная новая женщина. Она не только хотела чувствовать себя независимой от мужа. Было в ней и стремление к свободной любви, и потребность настоящего полезного дела. Она задумала организовать «домик для бедных студентов», а пока проводила дни в жарких спорах с проходящими в дом к ее мужу молодыми людьми. В одного из них она влюбилась, и хотя муж готов был терпеть ее измену, все-таки решилась в конце концов уйти от своего богатого мужа к этому бедному и даже не талантливому художнику. Он радостно принимает ее в свое бедное жилище со словами: «...была барыней, стала пролетаркою».⁴² Это и есть ее «смелый шаг». Оставленный муж порывает с ней навсегда. Впрочем, в прощальном письме он считает нужным заметить, что если встретит свою бывшую жену нищей на улице, то подаст ей милостыню.

Повесть Л. Бранди неплохо написана и оказалась в «Современнике» вскоре после публикации «Что делать?», т. е. в период горячих

⁴⁰ О Л. И. Мечникове см. статью В. И. Милдона в кн.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 37—39.

⁴¹ Современник. 1863. № 11 (т. 99). С. 7.

⁴² Там же. С. 56.

споров о женской эмансипации. Повесть подверглась критическому разному в газете М. Каткова «Современная летопись» вместе с романом «Что делать?». Достоевский в «Современную летопись» заглядывал и, задумывая статью о нигилистических романах, мог заинтересоваться повестью, тем более что Щедрин упомянул о ней в январском обзоре 1864 года.⁴³

Имеются еще две записи, связанные с этим неосуществленным замыслом: «NB. Нигилистический роман. Его концепция — всегда одно и то же: муж с рогами, жена развратничает и потом опять возвращается. Дальше и больше этого они ничего не могли изобрести» (20, 202).

«Концепция», упомянутая здесь, более всего похожа на роман Авдеева «Подводный камень», который Достоевский читал и помнил. Однако к роману Авдеева не вполне подходит ситуация «жена развратничает». У Авдеева она уходит от мужа, а потом возвращается. А вот в повести «Смелый шаг» жена вступает в интимные отношения с любовником в доме мужа, и тем самым создается пресловутая ситуация «муж с рогами».

Мы не можем утверждать, что Достоевский в цитируемой начальной записи о нигилистических романах уже имел в виду какое-то конкретное произведение. Тем более что главным нигилистическим романом для него, конечно, был роман «Что делать?», любовный сюжет которого не раз подвергался насмешкам в определенных кругах русской критики, а сам Достоевский, как было выше отмечено, иронизировал над фиктивными брачными отношениями в записях к «Крокодилу».

В черновиках к последнему объяснению с «Современником» Достоевский еще раз упомянул о нигилистических романах:

«— ваши романисты выдумали только разврат в браке» (20, 203). Это, конечно, в первую очередь относилось к Чернышевскому, но, может быть, не случайно Достоевский употребил множественное число.

Отталкиваясь от «Мудреного дела» Ахшарумова, Достоевский как будто перебирал в своем сознании известные ему нигилистические романы первой половины 1860-х годов. Он ставил в один ряд «Что делать?» и «Подводный камень», может быть, «Взбаламученное море» и «Некуда», может быть, «Марево». Может быть, даже и повесть «Смелый шаг». Нигилизм и нигилистические концепции семейных отношений явно интересовали его.

В январе 1865 года Достоевский планировал написать статью «О помещицестве и белоручничестве в нашей литературе», но вскоре «Эпоха» обанкротилась и закрылась. Позднейшими нигилистическими романами Достоевский, по-видимому, не интересовался. Во всяком случае, он нигде не упоминал о них — ни в «Дневнике писателя», ни в романах, ни в письмах.

⁴³ См.: *Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 6. С. 256.*